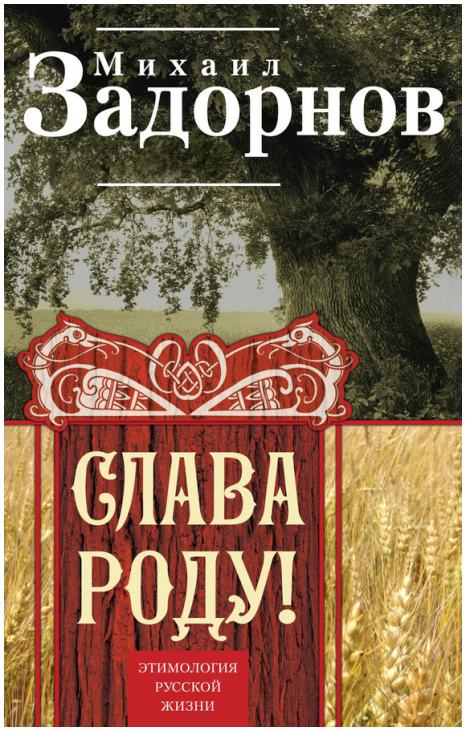
Михаил
Задорнов
СЛАВА РОДУ!
ЭТИМОЛОГИЯ
РУССКОЙ
ЖИЗНИ

Михаил Николаевич Задорнов

Слава Роду! Этимология русской жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9962418
Михаил Задорнов. Слава Роду! Этимология русской жизни: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05566-8

Аннотация

Творчество Михаила Задорнова давно перешагнуло рамки сатиры и юмора. Его интересы разносторонни: нумерология, история, этимология русской жизни и бесконечные расследования по происхождению слов.

Как научиться понимать исконный смысл знакомых слов, слышать природную дрожь родного языка? Возможно, кому-то будет достаточно прочитать автобиографическую повесть Михаила Задорнова о том, как он, будучи ещё начинающим журналистом, поехал в Сибирь писать очерк о староверах и встретил в тайге ведьму.

С тех пор прошло много времени. Автор путешествовал по миру, вслушивался в речь нашу и других народов. Проводил исследования, сидел в архивах. Призывая славить свой род, Михаил Николаевич рассказывает удивительные вещи о происхождении простых слов: папа, мама, бабушка, тётя – и слов-загадок для нынешнего молодого поколения: сноха, деверь, золовка.

В этой книге вас ждёт захватывающее толкование сюжетов русских сказок и привычных календарных праздников. Вы услышите, что прошепчут буквы нашего алфавита, и испытаете гордость за родную речь, узнав, что английский язык – испорченный русский.

Содержание

Дрожь давно знакомых слов… 5
Поцелуй ведьмы 8
Отец и сын 8
Добродельцы 13
Природа не терпит фальши 15
Девушка с тяпкой 17
Дед-всевед 18
И я там был, мёд пил! 24
Голубоглазая ведьма 26
Пни! 31
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Михаил Задорнов
Слава Роду! Этимология русской жизни

© Задорнов М. Н., 2015
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Дрожь давно знакомых слов…

Наши предки-славяне много тысячелетий прожили среди лесов, полей и рек. Конечно, они чувствовали природу не так примитивно, как люди в наше время. Улавливали звуки, которые сегодняшнее ухо, обдолбанное городским шумом, не воспринимает. Барабанная перепонка человечества отупела от музыкально-попсовой бомбёжки.

Во многих русских словах встречается слог «**ра**». Сегодня уже многие знают, что, как правило, он означает солнечный свет. **Ра**дуга – светлая дуга, **ра**дость – достать «**Ра**», **ра**бота – **ра**дость **Бо**га, х**ра**м – хранилище «**Ра**». Множество других слов: **ра**ссвет, **ра**са, **ра**но – ещё нет «**Ра**»… До сих пор детишки в своих считалках произносят не «один, два, три», а «**ра**з, два, три»! «Раз» – слово более древнее, чем «один». Оно как бы указывает, что первое из любого деяния должно посвящаться солнцу и свету. Главнее солнца ничего. Кто поклоняется «**свету**», тот «**святой**».

Странно, что большая часть учёных-филологов считает такие рассуждения дилетантским вымыслом. Мол, почему солнце должно было называться «Ра»? Но это же просто!

С рассветом на Земле просыпается всё живое: птицы, звери в лесах, джунглях, прериях, саваннах начинают разминать голоса. Мне доводилось ночевать и в джунглях Бразилии, и в палатке у подножия Килиманджаро. Каждое утро я просыпался с восходом солнца. Нет лучшего будильника, чем звериное рычание на рассвете. Когда-то и наши предки пробуждались так же. Они же не «шарашились» по ночным клубам и дискотекам с караоке. Спать ложились с наступлением темноты, а просыпались с первыми петухами, мухами и окружающим зверьём, как и я в палатке под Килиманджаро. Вместе со всеми они тоже радостно, полузевая, рычали, завидя первые лучики солнца. Я уверен, что слово «**речь**» произошло от слова «**рычать**». Попробуйте раскатисто и протяжно потянуть «Р-р-р», после чего, представив себя предком человечества, раскрывайте рот, дабы продлить приветствие солнцу. У вас получится «Ра»! Вот и весь секрет. Много-много тысячелетий, живя по пещерам, лесам, берегам рек, озёр, наши предки издавали звук «Ра», просыпаясь, зевая и радуясь первым лучикам солнца. С развитием сознания эти процессы стали восприниматься неразрывно. Так что «Ра» – одно из основных первослов человеческой праречи, которая начинала формироваться из простого рычания.

Споры, какого происхождения – тюркского или арийского – боевой клич «Ура!», бессмысленны. Это общечеловеческое утреннее приветствие солнцу! А у кого он впервые прозвучал как призыв к сражению, не имеет никакого значения. Главное, что, если утром вы поднимете руки, обращённые ладонями к восходящему солнцу, и несколько раз протяжно и раскатисто произнесёте: «Ура! Ура! Ура!», почувствуете, как заведётся весь организм, и вы зарядитесь радостной солнечной энергией на весь день!

Предки, которые прапрапра…, ощущали любую природную дрожь. И пытались голосом воспроизводить окружавшие их звуки.

Как поёт птица перед дождём? Вслушайтесь: «**пить-пить-пить**»! Так появилось слово «**пить**». Пошёл дождь, набралась вода в кадку, в ведро – чистая, небесная! Птичка выпросила! Тоже напилась после дождя и замолкла. Позже на основе «**пить**» образовались слова: «**питьё**», «**питание**», «**пища**»… Можно продолжить этот бесконечный ряд с **пить**евой основой, без которой невозможна жизнь любого существа, в том числе и человека.

Пройдёт много тысячелетий с момента зарождения этого словечка-эмбриона. Жизнь сильно изменится. Люди будут бояться природы – всевозможные религии сделают для этого всё. Древние слова будут меняться, подстраиваться под новые условия жизни, и родятся слова-потомки, слова-мутанты: обще**пит, пит**омник и даже пицца. Но в каждом из них будет теплиться живая энергия праязыка человечества.

Много раз в истории это короткое «**пить**» будет окрашиваться другим смыслом. К примеру, богов, чтобы они были сильными, как и людей, надо поить. Но чем? Пением! Песня – лучшая пища богов. Так от «**пить**» отпочковалось «**петь**»! На этом корне выросло уже новое дерево и множество слов – листочков: пение, песня, песенник и даже… петух (поёт – ух!). Кстати, в далёкие праславянские времена первый навар для ухи варился из пет**уха**, поэтому похлёбка и называлась «**уха**».

Во как! От птички, которая поёт «пить-пить-пить», до ухи! И ведь, казалось бы, ничего общего между этими словами нет. Тем не менее есть – развитие мироустройства. И соответственно, речи, которая всегда подстраивалась к новым условиям жизни, словно чувствовала смену мирового ритма.

Указывая на что-то рядом или вдали, раньше люди употребляли короткие полувозгласы-полуслова: «то» или «сё». Почему такие слова-восклицания возникли? Понаблюдайте за детьми, ещё не умеющими говорить: если они указывают на что-то рядом, услышите от ребёнка звукосочетание, подобное «сё». А если младенец указывает на предмет вдали, произносит слово, похожее на «то». Дети-младенцы всех народов лопочут на одном интернациональном детском «эсперанто»! Если младенца-испанца положить в кроватку рядом с младенцем-китайцем, они… поймут друг друга!

Древняя легенда права: язык был единым по всей Земле! Но взрослые в погоне за богатством и выгодой его разорвали на части. И лишили слова природной мудрости, растащив их по языкам, сделали всего-навсего переносчиками деловой информации.

Те далёкие, ещё не очень разговорившиеся наши предки, как младенцы, «считывали» природную космическую дрожь леса, поля, моря… Их первые возгласы были продолжением звуков природы. На заре своего развития они поняли, что звуком можно напугать, предостеречь, согреть, приласкать и даже возбудить! Звуки помогали жить на природе, постепенно превращаясь в речь. Речь развивала людей, люди развивали речь.

Ещё в слове «рычать» есть очень важный звук – «**ч**». Он означал – «**чу**». «**Чу**» – оберег. Одно из первых словечек для тех, кто жил среди опасностей. К примеру, идёт первочеловек со своим первочадом в лес. Вдруг что-то хрустнуло в кустах. Медведь, леший? Какой звук издаёт человек перед тем, как прислушаться? **Чу**! Почему? Это известно только Богу, создавшему явление резонанса. Когда-нибудь учёные поймут, что язык надо изучать тем, кто знает, что такое волновая механика. Лингвисты без помощи квантовых физиков не раскроют речевого первотворчества человечества. **Чу!** Прислушались, по**чу**вствовали? Опасности нет, можно идти дальше. Вот первоисточник сегодняшних слов «**чу**вства», «**чу**йка», «**чу**тьё», «**чу**до». Кстати, «**ча**до» – это для родителей «**чу**до»! От этого зародыша «**чу**» и древний оберег «**чу**р». Означал – чувствуй РА – свет, и это тебя убережёт.

Чурки – это деревянные колышки, которые волхвы-маги ставили по границам поля, урочища, капища, чтобы они оберегали святую землю от нечистой силы. Позже, когда начались войны, считалось, что оберегут и от врага. Нынче мы чурками называем просто неотёсанные поленья, хотя ещё совсем недавно пограничные столбы на Руси тоже называли чурками. А потом, простите, и тех якобы неотёсанных, кто жил за этими чурками. Вот так природное «**чу**» выродилось в кликуху сегодняшних гастарбайтеров. Так обеднялась в истории духовная жизнь человека, но зато развивалось его бытоустройство.

Как быть, если ребёнка надо было уберечь от опасности – один он впереди батьки бежит по лесу, а там болото, яма, пропасть, а у бати ещё речь не так развита, как у нас, – только-только научился шипеть, аукать, цокать, чмокать? Опять-таки, благодаря своей чуйке, батя выкрикивает чаду: «**Брр**». **Брр** – звукосочетание, создающее в окружающей среде резонанс, предупреждающий об опасности – это звуковая волна оберега. Поэтому лесного духа опасности наши предки нарекли **Бером**. Драки, разборки, преступления – все буйства от Бера. Самый опасный зверь – медведь. Его первоначальное истинное имя – **Бер**. Но вслух

произносить в лесу его не надо. Услышит Бер, что его кличут, и явится. Поэтому придумали Беру кликуху-погоняло – медведь. Как угодно можно назвать медведя – хозяином, Топтыгиным, медведем, косолапым, но только не Бером! К Беру надо относиться с уважением! Бер не опасен, только когда спит. Лежбище **Бера** – **берл**ога. Удивительно, но самое **бер**ложье место в Европе было там, где нынче находится город **Бер**лин. Волхвы, которых на Западе назвали магами, предупреждали наших славянских предков: не ставьте здесь город: разбудите Бера, он разбушуется – всем не поздоровится. Не послушались святых советов, основали город, разбудили Бера, и два тысячелетия разбушевавшийся Бер выплёскивал своё буйство на все народы Европы. И впрямь всем не поздоровилось. Еле утихомирили! И кто? Те славяне, которые ещё сохранили в своём языке природную мудрость и дрожь первых слов человечества.

От славянского «**Бер**» и английское «медведь» – **bear**. И русское слово «**бур**ый».

От **Бер**а надо себя **бер**ечь! Но эту мудрость люди забыли. Поменяли смысл, живя в мире потребления. Беречь стали не дом свой от Бера, а сберегать золото. И сегодня у нас есть словосочетание «с**бер**егательная касса». Означает, что во главе сбербанков стоят скрытые **бер**ы!

Булгаков тоже был непростым писателем! Много чувствовал тайного. Помните, его герой, который не у**бер**ёг себя от **Бер**а на первых страницах романа, – **Бер**лиоз!

Вслушиваясь в нашу речь, изучая историю и бытоустройство славянского народа, таких цепочек-превращений можно выстроить множество.

Что же должно произойти в жизни человека, чтобы он начал слышать исконный смысл давно знакомых, привычных слов, природную дрожь родного языка?

Вполне возможно, кому-то будет достаточно просто прочитать эту книгу – о том, как молодой журналист, начинающий писатель-сатирик, сын известного писателя, поехал в командировку в Сибирь писать очерк о староверах и встретил в тайге ведьму…

Михаил Задорнов

Поцелуй ведьмы
Автобиографическая повесть

Отец и сын

Поначалу мой отец не хотел, чтобы я стал писателем. Ему не нравилось то, что я пишу. Даже когда мои первые юмористические рассказы начали печатать в «Литературной газете», он говорил: «Чтобы заниматься таким *несерьёзным* делом, надо ещё иметь и *серьёзную* профессию!» Поэтому советовал мне не уходить из инженеров.

Тем более что в лаборатории, где я работал на кафедре, назревало нешуточное открытие не без моего участия. Мы заканчивали разработку уникальной *форсунки со сверхзвуковой скоростью впрыска топлива в паровой фазе в форсажную камеру сгорания летательных аппаратов.* Удивительно, но я до сих пор понимаю смысл того, что сейчас написал.

Отец ничего не понимал в форсунках. Но когда слышал подобные фразы, очень гордился сыном и, если к нам приходили гости, просил с выражением рассказать им, чем я занимаюсь в Московском авиационном институте. Позже, когда он посмотрел поставленные мной спектакли в самодеятельном театре МАИ, где я, будучи инженером, на полставки подрабатывал режиссёром, начал сомневаться в том, что моё будущее будет связано с форсунками.

Хотя сама форсунка была запатентована, и, если когда-нибудь в мире изобретут особые огнеупорные материалы, чтобы её изготовить и внедрить в *форсажной камере летательных аппаратов,* несколько поколений моих потомков будут от рождения обеспечены пенсией моего имени.

Позже, когда благодаря выступлениям в передаче «Вокруг смеха» ко мне стала приходить первая популярность, отец понял, что со сцены меня не согнать никакой сверхзвуковой форсункой. И с тех пор каждый раз очень расстраивался после споров со мной. Слава богу, мы жили в разных городах. Друзья отца его успокаивали: не требуй многого от сына, на детях природа отдыхает.

Но ещё долгое время, после того как я ушёл из инженеров, он не мог смириться с моим эстрадным будущим. Ему вообще не нравились эстрадные юмористы. Даже самые известные. И хотя в то время цензура не пропускала шуток на тему ниже пояса, всё равно считал эстраду пошлостью.

– Если хочешь стать настоящим писателем, – не уставал он учительствовать, – тебе надо написать роман о современной жизни. О простых людях, а не о том, что у тебя под носом. Начинается строительство Байкало-Амурской магистрали. Чем не тема? О первопроходцах!

Такие его высказывания меня злили. Во-первых, я считал, что ими он меня унижает: мол, роман о БАМе – это настоящее, а то, чем я занимаюсь, нечто вроде производственных отходов.

– Папа, как ты не понимаешь, БАМ – это не *первопроходцы*, а *первопроходимцы*! Они едут туда за дублёнками, за коврами, хрусталём и надбавками к зарплате. Я не хочу уподобляться советским писателям, у которых в романах хорошее всегда конфликтует с ещё более хорошим! Он любит её, а она любит свой завод, и они оба перевыполняют план во время медового месяца.

– Остроумно! Но БАМ сейчас очень нужен стране. Посмотри на карту. Железная дорога через Сибирь проходит практически по китайской границе. Китайцы, если захотят, смогут

уничтожить её за один день, и вся Сибирь окажется отрезанной от центра. Помяни моё слово, скоро Китай станет опасен!

Сегодня, в другом тысячелетии, мне удивительно, как отец тогда ещё, в семидесятых годах прошлого века, понимал то, о чём заговорили всерьёз лишь теперь.

В те недолгие передышки между «философскими» ссорами он пытался мне объяснить, что настоящий талант умеет разглядеть интересные стороны в жизни самых неприглядных и простых людей. «Овощи растут из грязи, а очень полезны!» – процитировал он мне однажды кого-то из классиков средневекового афоризма.

– Я же предлагаю тебе написать роман не о партийных вожаках, а о тех людях, якобы *овощах*, которые на самом деле *витамины*.

Теперь я понимаю: отец мыслил масштабно. Он не был коммунистом. Однако порой даже в партийных секретарях видел людей порядочных. Особенно любил сибиряков. Он жил в Риге. Когда ему не хватало впечатлений, отправлялся путешествовать по Сибири и Дальнему Востоку. Ему нравилось в путешествиях знакомиться и разговаривать с охотниками, рыбаками, рабочими, пограничниками, моряками…

*** * ***

Слово «рабочий» так часто произносилось в то время с экранов телевизора и в газетах, что у меня ассоциировалось лишь со словом «пролетарий». А слово «пролетарий» мне активно не нравилось. Для меня пролетариями были те, кто всегда *пролетал* мимо. Или ещё страшнее – чудились какие-то «летарии»: нечто вроде помеси пресмыкающихся с неудавшимися млекопитающими. От них явно веяло ответвлением от эволюционной ветви развития человечества. К ним же я относил и доярок, и свинарок, и шахтёров, и сталеваров… В общем, всех, о ком кричали советские дикторы добрыми, хорошо поставленными голосами и кого показывали в «Голубых огоньках» вперемежку с комсомольскими и партийными запевалами.

– Эх, тебе бы журналистом поработать. По стране поездить. Чтобы людей порядочных поглядеть. А то так и зависнешь между спекулянтами и диссидентами, – любил повторять отец.

Для молодых, рождённых уже в наше время, уточню: «журналист» когда-то – в это нынче трудно поверить – было словом не просто хорошим, а похвальным. За ним виделся прежде всего человек талантливый. Журналистов уважали! Не было таких образных словечек, как «журналюга» или «журнашлюшка». Да, многие слова изменили свой смысл на нашем веку. Например, «трахнуть» в моей молодости означало «ударить», «разборка» было термином конструкторов и инженеров, «тёрка» – приспособление на кухне для натирания овощей… Я уж не говорю про «голубой». В советское время ни у кого бы не вызвало улыбки название мультфильма «Голубой щенок». Никому бы на ум не пришло, что щенок может быть извращенцем, особенно когда он поёт песню: «Хорошо быть голубым, если всеми ты любим».

Совсем недавно молодой редактор вычитывал мою повесть, написанную аж в семьдесят шестом году. В ней я описывал, как во время работы в стройотряде мы, будучи студентами, вечером собрались у костра. Нашу стройотрядовскую форму мы называли сокращённо «стройотрядовка». У меня в повести была такая фраза: «Я лёг у костра на стройотрядовку». Молодой редактор сделал мне замечание: мол, как не стыдно описывать такие пошлости? Я не сразу сообразил, что он под «стройотрядовкой» имел в виду не мою курточку, а студентку из стройотряда.

Продвинутые учёные с Запада сегодня утверждают, что мысль материальна. Тончайшими современными опытами её можно засечь. Недаром те философы, которых в истории

считали сумасшедшими, убеждали *человекомассу*, что, если мыслить о чём-то настойчиво и мощно, мечта может материализоваться. Видимо, отец втихомолку так напористо мечтал о моём будущем журналиста, что я вдруг действительно стал журналистом!

Казалось бы, это произошло случайно. Но ещё древние философы пытались объяснить людям, что случайностей в мире не бывает: любая случайность есть результат закономерности.

Конечно, до того, как стать журналистом, я много путешествовал по нашей стране и с отцом, и со студенческим театром МАИ. Уже в первых дальних поездках начал замечать, как много всегда вокруг меня появляется интереснейших людей, за многими из них хотелось записывать, когда они рассказывали о своих судьбах или просто делились интересными наблюдениями.

Отец был прав – даже среди комсомольских и партийных работников попадались очень приличные люди. Вдали от столицы они не были такими плакатными и не заходились от лозунговых речей. У моряков, рыбаков, лесорубов, коих я тоже причислял к «летариям», лица явно были радостнее, нежели у московских «нелетариев». Да и в жизни они были веселее. Не грустнячили, не кислячили и не жаловались на всё и вся, как это любит постоянно делать наша умничающая интеллигенция.

Я завёл записную книжку. Она до сих пор хранится у меня. Её и сейчас интересно перечитывать. В ней записаны слова и выражения, слышанные от самых разных «овощей-витаминов», которые я бы сам, сидя за столом в Москве, никогда не придумал: *«Таким лицом, как у неё, только волков на Саянах пугать», «Я боюсь комсомола, как заяц бубна», «Это не ребёнок, это когтёнок», «Клянусь, чтоб мне век с нашим председателем в лодке не кататься»*...

Наверное, люди-овощи и впрямь подействовали на меня как витамины. Много где мы побывали с театром. На трясущемся, как телега, автобусе проехали почти весь Уссурийский край, на агиттеплоходе болтались в морях за Камчаткой. На различных сухогрузах и ледоколах, как на перекладных, по северным морям добрались почти что до Северного полюса. Несколько раз были на БАМе и потом, вернувшись в Москву, щеголяли знанием таких непонятных для столичной тусовки слов, как Чегдомын, Могоча, Тында… Об этих поездках я написал несколько очерков. Они были опубликованы в тогдашних миллионнотиражных журналах. Если сейчас напечатать хоть один отрывок из этого очерка в какой-нибудь газете, никто не угадает в его авторе сегодняшнего злокачественного сатирика.

А потом наш театр, как и любой самодеятельный коллектив, распался. Все разъехались, разбежались по распределениям. Мне предложили работу в модном, передовом, живомыслящем журнале «Юность». Я, конечно, обрадовался – шутка ли, у меня даже появился свой кабинет! Только ради этого можно было согласиться на престижную работу. Причём в самом центре Москвы. Я редактировал и печатал юмористические рассказы лучших писателей-юмористов того времени, вычитывал письма с произведениями молодых сатириков, а также плодящихся графоманов. Но уже через полгода начал чувствовать, что жизнь моя хоть и несётся на всех парах в будущее, но по узкоколейке! Мне явно не хватало *витаминов*.

Отец говорил:

– Есть мышление островное, а есть – континентальное. Общество, которое тебя окружает, с островным мышлением. У писателя должно быть континентальное. Он должен как будто сверху видеть континенты, народы, страны…

Я уже не так часто ссорился с ним. Во-первых, понимал, что каждая наша ссора его старит, во-вторых, как показала жизнь, он во многом оказывался прав. И хотя недопонимание между нами ещё оставалось, я всё чаще с ужасом думал, что когда-нибудь его не будет в моей жизни. Однажды я увидел, как в Риге он медленно переходил улицу перед нашим домом, и понял, что он сильно состарился. Тогда я дал себе обещание, пока он жив, успеть сделать как можно больше в жизни того, о чём он мечтал.

В один из приездов в Ригу, во время прогулки по пляжу Юрмалы, пересилив свою гордыню, я спросил его:

– Папа, если ехать на БАМ писать роман или очерк о первопроходцах, как ты считаешь, куда именно?

Отец ответил не сразу. Он не ожидал, что я смогу пересилить свою гордыню, – расчувствовался.

– Пожалуй, в тебе больше заложено, чем я думал, – сказал он, – может, и хорошо, что ты ушёл из инженеров!

Он обещал мне подумать над моим вопросом. Позвонил посоветоваться одному из своих лучших друзей – охотнику, таёжнику, директору Хабаровского краеведческого музея Всеволоду Петровичу Сысоеву.

Как и отец, Сысоев был далёк от столичных взглядов. Как бы теперь сказали, «не входил в писательскую тусовку». Кстати, в то время слово «тусовка» не существовало. Говорили «интеллигенция». Как же быстро меняется язык!

Сысоев сразу обо всём догадался – надо спасать сына своего старшего друга?

– А что, если Миша съездит к настоящим таёжникам-староверам на реке Амгунь? И напишет о них очерк! Вот бы славно было.

Эта идея даже мне понравилась. Хотя в те годы я уже стал полновесным членом столичной журналистско-актёрской *тусовки*.

Зачем, спрашивается, молодому, подающему надежды тусовщику понадобилось ломануться за тридевять земель в заамурскую тайгу? Да просто захотелось побывать в невиданно-неведомых краях. Увидеть свежие лица. Вокруг меня в нашей тусне они были все сплошь какие-то несвежие.

Теперь такие желания, которые возникают без всякого расчёта на прибыль, я называю «тяга сердца».

Сердце чувствует будущее! Мозг вычисляет настоящее!

Сердце обладает даром ясновидения. Выражаясь шахматным языком, оно может подсказать очень верный ход, который неожиданно сработает в будущем, и партия будет выиграна.

Конечно, в то время я так не рассуждал. Я просто впервые почувствовал страстное желание забуриться куда-нибудь подальше: туда, где нет лозунгов, пафосных речей и псевдоинтеллигентских антисоветских перешёптываний в малогабаритных кухнях под музыку Вивальди, чтобы крамолу не услышали соседи.

Вот так, послушавшись *тяги сердца* и родительского совета, я сделал ход, который через двадцать с лишним лет помог мне выиграть очень нужную «партию». Впрочем, не буду забегать вперёд…

Помню, как я пришёл к ответственному секретарю журнала «Юность» и попросил его послать меня на Амгунь.

– Куда тебя послать?! – Он не сразу сообразил, что такое Амгунь: дом отдыха, военная база, колхоз или новая дискотека? Дискотеки в то время, кстати, только что появились и вызывали живейший интерес не только у молодёжи.

Я объяснил, что Амгунь – это река, приток Амура, туда трудно добраться, но там есть место, где сохранились настоящие сибирские староверы.

Говорил я задорно и убедительно, будто сам бывал в тех местах. Ответственный секретарь подумал сначала, что я его разыгрываю.

– Ты что, с юмором о них писать задумал?

– Нет, я хочу написать очерк в отдел публицистики!

Надо сказать, что ответственный секретарь был человеком азартным и свежая тема его, похоже, зацепила. Он, раздумывая, походил по комнате – моё предложение явно показалось

ему интересным, но, как человек партийный, за такой «почин» *ответственности* на себя брать не хотел, хотя и считался *ответственным* секретарём.

– Я один такие вопросы не решаю! Пойдём к главному. Пускай ему потом за это взыскание выносят.

Главным редактором в то время был человек-легенда – писатель Борис Полевой. За «Повесть о настоящем человеке» на самом верху советской власти его так уважали, что позволяли гораздо больше, нежели другим главным редакторам.

Поэтому журнал «Юность» считался очень задиристым. Восхваление религиозных людей в атеистическом советском обществе не поощрялось. Я думаю, всей редколлегии «Юности» понравилась не столько тема нравственности верующих (мы все тогда были атеистами), сколь возможность в очередной раз задраться к советской власти.

Через месяц, неожиданно даже для моего отца, мне выдали командировку на Амгунь!

Теперь, вспоминая по порядку всё случившееся, я думаю: как бы сложилась моя жизнь, если б тогда я не отправился в то далёкое путешествие? Я бы много чего *недоуслышал* и уж точно *недополучил витаминов*. Так и продолжал бы всю жизнь участвовать в гонках с коллегами… по узкоколейке.

Добродельцы

До староверческой деревни на берегу реки Амгунь я добирался от Комсомольска-на-Амуре. Сначала по совершенно музейной узкоколейке, которую, судя по всему, прокладывали ещё колчаковцы, убегая от Чапаева.

Паровоз тоже был из тех, которые отбили чапаевцы у колчаковцев. Кассирша на вокзале предупредила, что билеты у неё остались только в последний вагон.

– СВ? – переспросил я, думая, что она оценит моё высокоградусное чувство юмора.

– Что? – не поняла кассирша.

– В спальный вагон?

– Да, там можно спать. Только надо взять с собой матрас или спальный мешок. У нас все вагоны спальные, умник! Кто где хочет, там и спит, – пробурчала она, выписывая мне билет почерком двоечницы-первоклассницы.

Не знаю, зачем она пугала меня последним вагоном? Вагон у этого поезда был один. Он же последний. В нём ехали простые советские люди. Ехали, не возмущаясь, поскольку за границей никто не был и, как можно по-другому ездить в поезде, никто не знал. Я не помню, были в нём полки или нет. Помню только, что никто не жаловался, наоборот: пили, рассказывали анекдоты и не просто смеялись, гоготали – ехали на стройку века! Кто-то за дублёнками и повышенной зарплатой, кто-то за новой жизнью, кто-то сбегал от правосудия, кто-то наверняка верил в то, что будет строить коллективное светлое будущее.

Наше *неустроенное* настоящее было настолько *не устроено*, что любое будущее казалось светлым. Это было чудное время надежд! Вожди величайшего государства в мире умело пользовались нашими надеждами и мечтами, периодически вбрасывая в народ лозунг-замануху, чтобы у «летариев» в очередной раз появилось ощущение, что коммунизм когда-нибудь всё-таки наступит. Словом, в «спальном» вагоне одновагонного поезда, где все спали на своих тюках и баулах, мы, почти счастливые, ехали в почти коммунизм, не веря в него, но из последних сил надеясь: а вдруг и вправду он откуда-то вынырнет после очередного вброса лозунга-протуберанца типа «Все на БАМ!» или «За социализм с человеческим лицом!».

Недавно я узнал, что в наше время среди молодёжи стало больше самоубийств, чем в советское. Сразу вспомнил тот вагон. В нём никому бы не пришла в голову мысль о самоубийстве. Или, как теперь говорят, о суициде. Да и слова такого поганого никто не знал. Впрочем, многих слов мы в то время не знали: инцест, дефолт, секвестр, инвестиция, инновация, инверсия, апгрейд, мониторинг, диверсификация, тюнинг, девальвация, диарея… Может быть, именно эти мусорные слова и приводят людей к депрессии? Попробуйте их громко и многократно произносить друг за другом – настроение мгновенно портится.

Однако вернёмся к воспоминаниям…

Самым напряжённым в том вагоне чувствовал себя я. В горкоме комсомола города Комсомольска-на-Амуре, когда я пришёл отмечать командировку и получать официальное разрешение на поездку в район БАМа – в деревню староверов, – инструктор, которому поручили заниматься мной, очень обеспокоился:

– К староверам? Какого чёрта? Тёмные, отсталые людишки… Дикари! Антисоветчики! Их даже когда призывают в армию, они оружие в руки брать отказываются – бунтуют. От них одни неприятности. Работника обкома не послушались – отказались собраться на политинформацию! Не провели ни одного субботника! Чужих к себе не подпускают. Всех считают нечистью. Вот что религия с людьми делает! Сектанты. Смотри, они ведь и убить могут, если не то ляпнешь! Да-да… У них там не раз наши люди пропадали, даже беглые их сторонятся, охотники и те ихний посёлок стороной обходят. Не представляю, до каких пор мы будем терпеть это безобразие. Уже не раз в центр писали – надо с ними покончить. Но кто-

то там наверху каждый раз отписывает – не трогать. Жалко… Мы бы из них быстро сделали советских людей. И в армии по-человечески служить бы начали, и в партию бы вступили, и на субботники маршем ходили.

Спорить с человеком, который считал, что в тайге необходимо проводить субботник, мне не хотелось. Поэтому я ответил, что учту его пожелания, когда буду писать очерк в журнал. Обкомовский «страж совдеповских инструкций» обрадовался тому, что удалось провести со мной правильную подготовку, и выдал все разрешения на проезды и проходы в полузапретные прибамовские зоны.

Однако когда я вышел из последнего вагона одновагонного «спального» поезда в новом комсомольском посёлке на то, что называлось перроном, и подошёл к большой привокзальной луже, я растерялся. Хорошо, что местная комсомольская ячейка оказалась сразу за лужей. Складывалось ощущение, что те, кто строил этот посёлок, пользовались рассказом Гоголя «Миргород» как инструкцией.

В штабе – так называлось главное управление, как будто оно руководило не стройкой, а военными действиями, – до меня вообще никому не было дела. Все были заняты строительством светлого будущего: на стенах – почётные грамоты, телеграммы из центра, по углам переходящие знамёна и кубки… А также карты Сибири, Дальнего Востока с воткнутыми в местах ударных строек красными флажками, как будто в этом штабе отмечали зоны, куда следует загонять волков.

Договориться о том, чтобы меня довезли до староверческой деревни на машине, ни с кем не удалось:

– Не-е… Туда не поедем… Дурные они… Секта! Ещё зарежут.

Я, расстроенный, вышел из штаба и присел на пень на берегу лужи рядом с курящим самокрутку стариканом. Беззубый, но ещё крепкий, похожий на странника – этакий Лев Толстой, созревший к девяноста годам уйти навсегда из дома. Он-то и объяснил, как добраться до Амгуни:

– Недалече… Всего день ходу по тайге!

– Не опасно?

– Чи-и-во?! – удивился старикан.

– К ним идти?

С удивлением, на которое только способно старческое лицо, он поглядел на меня:

– Слышь, ты это… Ты этих оголтелых штабных не слухай. Кто-кто, а правоверные даже муху не тронут без спроса Господа. Когда-то там, да, было не очень… То зона была. Потом нас всех амнистировали. – Старикан задумался ненадолго, словно вспомнил что-то очень конкретное из своего прошлого. – Сильное место! Амгунь разворачивается, обрыв, закат… Вот туда и поселили этих добродельцев. Вон за тем камнем дорога в тайгу уходит, она тебя сама к ним выведет. Только не сворачивай! Так что завтра с утра пораньше вставай.

«Надо ж, какое точное словечко – «**добродельцы**»!» – отметил я про себя и, как подобает истинному журналисту, записал его в свою записную книжку – пригодится, когда буду писать очерк.

Природа не терпит фальши

Должен сказать, что идти через тайгу городскому жителю одному, выражаясь современным языком, – экстрим. Впрочем, слово «экстрим» в то время мы тоже не употребляли. Поэтому не знали, что жизнь в Советском Союзе – сплошной экстрим. Вернее, мягкий экстрим, а жёсткий начнётся после того, как Союз развалится. Так что шёл я поначалу довольно уверенно, даже не подозревая о том, что у меня сейчас от прогулки по тайге в одиночку должен вырабатываться адреналин.

Я бывал до этого в тайге несколько раз. Несколько раз нас с отцом водил по Уссурийскому краю Всеволод Сысоев. Спускались на лодках по притоку Уссури и Хору, ночевали в удыгейских деревнях… Не раз с агитбригадой в наших гастрольных поездках выезжали мы на выступления в таёжные посёлки на Сихотэ-Алине, в Забайкалье и на том же БАМе.

Но все эти вылазки были под наблюдением местных знающих людей, проводников. Тут же мне предстояло целый день идти самому. Да, я читал Арсеньева и Пржевальского. Но, как истинно городской житель, не мог толком отличить кедр от ели, незабудки от колокольчика, а быка от коровы, если у коровы выдоенное вымя.

То, что старикан назвал дорогой, на самом деле была этакая расширенная тропа. После дождя кое-где в низинах её размыло. Обойти топь ни справа, ни слева было невозможно, потому что с двух сторон стояла такая густая тайга, что войти в неё, ступить ногой, углубиться даже на полметра возможно было только с помощью лесорубов. Как же я долго живу, если помню девственные заросли тайги, в которые не ступала нога человека!

Через два-три часа я устал не на шутку. А сколько ещё идти, не знал. Старикан же приказал – не сворачивать! Впрочем, мог этого и не говорить. Сворачивать было некуда. Через пару часов солнце уже начало заваливаться за помрачневшие кроны таёжных монстров-деревьев. Помрачнели и мысли. А если старикан меня обманул? И это дорога в никуда? Вот так она и тянется до Байкала? Становилось жутковато. До Байкала идти я не собирался. Я никогда не был коммунистом, но, чтобы приободрить себя, запел «По долинам и по взгорьям». Причём, видимо, от страха вместо «по взгорьям» пропел «по взморьям»!

Должен сознаться, я пою настолько фальшиво, что меня во время урока пения в школе попросили однажды и навсегда выйти из классного хора. Как я говорил позже, медведь не просто наступил мне на ухо, а танцевал на обоих, после чего сам оглох. В общем, кому-то в зарослях моё отважное пение очень не понравилось, и этот кто-то сзади меня вдруг так душераздирающе взвыл, что моё сердце на несколько минут отстегнулось. Подобного звука я не слышал никогда в жизни. То ли вскрик, то ли рык, то ли икнул медведь… Или на ногу койоту наступил динозавр? То ли олень забодал кого? То ли кто-то забодал оленя? А может, медведь, который топтался на моих ушах, почувствовал, какой он совершил грех в жизни, и это был его рык раскаяния?

Сознание заработало со скоростью процессора, который ещё в мире не изобрели и поныне. Что делать? Ружья нет. В кармане перочинный советский ржавый ножик, настолько туго открывающийся, что нужна отвёртка или стамеска, чтобы выудить лезвие. Залезть на дерево? Я с детства умел это неплохо делать. А если тот, кто издал этот звук, тоже умеет лазить по деревьям? В тот момент я мог поверить, что даже лоси карабкаются по деревьям и рогами с веток скидывают тех, кто фальшивит мелодии и путает слова в священной для Отчизны песне.

Зато впрыск адреналина придал столько сил, что я побежал. Крик повторился, как бы подбадривая меня: мол, беги-беги отсюда и больше никогда не пой при мне, не оскверняй девственные природные уголки отечества. Не знаю, сколько я бежал, за мной никто не гнался, но выбежал я в староверческую деревню, бывшую зону, прямо на большак. Что такое

большак, я знал из русской классической литературы, а так как сознание обострилось, я узнал его по описанию. Дорога стала шире и, как плавная, слегка извилистая река, потекла между деревянными срубами.

Девушка с тяпкой

Я шёл по большаку, а из подслеповатых окон на меня смотрели грозные бородатые лица. Чем-то это напоминало сегодняшний кастинг. Правда, на теперешнюю модель я мало смахивал. Но оценивали меня всерьёз, словно большак был подиумом. Лица в окнах недоумевали: кто такой? Понятно, что городской. Понятно, что издалека. В окрестностях такие не водятся.

Неужто заслали ещё одного комсомольского вожака-агитатора? По их выражениям лиц чувствовалось, что я нечто для них вроде нечистой силы. Впрочем, силой меня назвать было сложно, поэтому просто – нечисть.

В одном из огородов увидел девушку с тяпкой. Она, судя по всему, отдыхала от напряжённой работы и стояла с тяпкой в позе известной советской скульптуры «Девушка с веслом». Спросил у неё через забор, как найти дом Куприяна Кондратьевича Басаргина. Девушка с тяпкой с таким ужасом посмотрела на меня, словно я явился из городского горкома комсомола для проведения политинформации, и, ничего не ответив, убежала в дом.

С таким выражением лица бывшие советские девушки, воспитанные фильмами «Девчата» или «Свинарка и пастух», должны смотреть голливудский триллер «Техасская резня бензопилой». Хорошо, хоть не тяпнула своей тяпкой!

Похоже было, что я здорово попал. Идти обратно в ночь, через тайгу с деревьями-монстрами я бы не согласился, даже если бы за мной ехал асфальтирующий каток шириной в дорогу. А здесь о том, чтобы пустить меня на ночь, и *речи* быть не могло. Никто не собирался со мной эти *речи* заводить. Я уже был готов поверить обкомовскому работнику, нежели беззубому старикану. Какие уж тут добродельцы! Не подстрелили бы из своих окошек-«бойниц»!

Неожиданно из дома, куда забежала девушка с тяпкой, вышел мужик лет от тридцати до восьмидесяти – по староверам и японцам я до сих пор не могу определить, сколько им лет.

Спросил, что мне надо. Я постарался быстро, этакой скороговоркой, уместить в одну фразу всё, что считал нужным. Без единой паузы, чтобы старовер не успел вклиниться и дать мне от ворот поворот, я вместил в неё всю информацию о себе, о своём театре, о том, как я стал журналистом, об отце-писателе, о рекомендательном письме Сысоева к их старосте Басаргину, а также о том, что я хочу написать **благожелательный** очерк об их общине. Особенно громко и убедительно выделил «**благожелательный**». При этом несколько раз успел повторить, что очерк будет не атеистическим, поскольку по отношению к верующим начинается оттепель.

Старовер ничего не понял, но при упоминании Сысоева расхмурилась даже его борода. Он подошёл к калитке, правда, не открыл её, а рукой показал, как пройти к Басаргину.

Из окошка выглянула та самая девушка, которая ещё недавно убежала от меня с тяпкой. В её взгляде был явный интерес деревенской девушки к городскому парню. Испугавшись, что отец это заметит, она резко задёрнула занавеску.

Дед-всевед

Пока я отходил от дома сурового отца девушки с тяпкой, тот следил за мной, словно проверял, правда ли, что я пойду к старосте их общины.

Заметив, как благотворно подействовало упоминание о Сысоеве на отца девушки с тяпкой, когда Куприян Кондратьевич подошёл по моему зову к калитке, я через забор немедленно протянул ему рекомендательное письмо от Всеволода Петровича.

Тут надо несколько слов сказать о Сысоеве. Его знали в Хабаровском крае все, кто считал себя охотником, таёжником, те, кто любил Арсеньева, кто помнил Дерсу Узалу… Словом, все, кто в то партийно-карьерное время искал спасение от обкомов, крайкомов и прочих «комов» на природе, в уединении, в тайге. Даже зимой он любил забуриться на заимку и никогда не участвовал в гонке *по партийной узкоколейке*. Как и наши старообрядцы, был человеком природы. Всю жизнь оставался верен Создателю, что означало: умел радоваться той красоте, которую Творец создал на Земле-матушке.

Для зоопарков мира Сысоев отловил более ста медведей! Участвовал не раз в поимке тигров с известными тигроловами. Писал письма в политбюро с просьбой запретить охоту на уссурийских тигров, поскольку их осталось не более шестидесяти – семидесяти семей.

Под его руководством в Сибири после войны началось разведение соболей. Потом его назначили директором Хабаровского краеведческого музея. Экспонаты для этого музея он добывал в тайге сам и мастерил их собственными руками. Конечно, с возрастом меньше стал ходить в тайгу, зато больше оставалось времени заботиться о крае, бодаясь с чиновниками. Начал писать книжки о зверях. Он видел в зверях человеческие характеры, а в людях – зверские привычки. Причём зверей зачастую считал добропорядочнее людей. Например, искренне возмущался, когда смотрел мультяшки: «Лиса же не хитрая, а глупая. Поэтому и след запутывает, что дура! Дороги найти не может». По Сысоеву получалось, что заяц – не трус, а храбрец. Волк – не дурень, а очень заботливый батя – любит детишек и никогда не изменяет своей половине!

Один из его рассказов начинался с очень дерзкой для тех, кто воспитан мультяшками, фразы: «Серый был хорошим семьянином». В этом рассказе Всеволод вывел Серого таким заботливым главой семьи, что ему искренне сочувствуешь, когда холодной голодной зимой он старается накормить свою семью, да еще не попасться на мушку охотника. Ведь тогда и любимая волчица, и волчата могут погибнуть от голода.

* * *

Мой отец считал Сысоева одним из самых добрых людей, потому что он больше общался в жизни со зверями, чем с людьми. Недавно Всеволод ушёл из жизни. Ему было почти сто лет! После отца последние годы он был моим главным наставником, учителем и советчиком.

Да, ему приходилось убивать зверей. В том числе медведей. Одному медведю, который шёл прямо на него, раскинув лапы, Сысоев выстрелил в сердце. С пробитым сердцем медведь может пробежать ещё метров пятьдесят и успеть задрать стрелявшего. Шатун сделал несколько прыжков в сторону охотника, но силы его кончились примерно в двух метрах. С тех пор Сысоев перестал охотиться на медведей. Он всегда помнил, какими глазами смотрел на него мишка вблизи: за что ты меня? Ведь у меня, как и у Серого, семья есть!

Через много лет Сысоев признается мне, что, молясь Богу, каждый раз просит простить его за убитых зверей.

Его хорошо знали представители власти как местной, так и столичной. Когда приезжал какой-нибудь арабский король, шейх, шахиншах, далай-лама или очередной президент заглядывал в Хабаровский край, а то и член политбюро, Сысоева просили сопроводить высочайших гостей в тайгу, показать, похвастать нашими северными «джунглями». К нему приезжали и Солженицын, и Шолохов…

Всеволода староверы уважали, потому что по духу и отношению к природе он был для них истинным православным. Славил правду!

Сысоев очень сердился, когда слышал хвастливые речи советских учёных о том, как они, доблестно постигая науки, побеждают природу. Особое негодование вызывало в нём желание вождей при помощи таких «учёных» повернуть сибирские реки в обратную сторону: «Как они не понимают, что человек – это часть природы! Как же часть может победить целое? Только если эта часть – раковая опухоль!»

* * *

Стоя по другую сторону от калитки, Куприян Кондратьевич довольно долго и внимательно читал письмо. Я смотрел на него. Ему было лет от семидесяти до ста пятидесяти.

Дочитав письмо, старикан посмотрел мне в глаза, будто пытался своим взглядом, как рентгеном, просветить меня насквозь – что там затаилось в извилинах столичного мозга? Что есть силы я старался не отвести глаза от этого бородатого «детектора лжи».

– Журналист, говоришь, так?

– Так.

– И в какие ж ты пишешь журналы?

– В разные.

– В какой теперь хочешь написать?

– В «Юность».

– Не знаю. Не слыхал. А ещё где-то печатался?

– Иногда. Но вообще-то… я не совсем журналист.

– А кто?

– Скорее юморист.

Эта честная, как мне тогда думалось, фраза оказалась явно лишней. Куприян Кондратьевич нахмурился:

– Это ещё что такое – юморист?

– Тот, кто сочиняет юмор.

Более нелепого разговора у меня в жизни раньше не было.

– Сочиняет? – переспросил он с прокурорским недоверием. – Чего его сочинять? Вон сколько твоего юмора в округе… Бери – не хочу! На БАМ сходи – малёхо не покажется – дармоедов развелось.

– Я бывал на БАМе семь раз! – похвастался я и хотел добавить: со студенческим театром, которым руковожу, но вовремя сдержался, понял, что у старосты старообрядческой деревни может произойти перегрузка его природной матрицы.

Поэтому лишь промямлил:

– Я даже очерк написал о мостостроителях.

– А каких мостостроителях?

– О тех, что строили мост через Амур в Комсомольске.

– И напечатали?

– Да… но сильно сократили.

Мой очерк о мостостроителях, которые строили самый большой в Советском Союзе мост через реку Амур, действительно напечатали в журнале «Дальний Восток», а отрывки

из него в «Юности» и… в «Крокодиле»! Как юморист, я не мог не вставить в очерк какие-то весьма забавные «наблюдашки». Редакторам «Крокодила» это показалось свежаком. Юмор с комсомольских ударных строек никто раньше не предлагал. Некоторые из моих записей даже взяли в «Литературную газету». Однако хвастать «Литературкой» или премией «Золотой телёнок», которую я как раз к тому времени впервые получил, перед Куприяном Кондратьичем было бесперспективно. Словосочетание «золотой телёнок» могло его сильно напрячь – от него явно попахивало «золотым тельцом». А он всё-таки был человеком истинно православным. Журнал «Дальний Восток» читали мало, «Юность» Куприян Кондратьевич не знал, поэтому единственное, что мне осталось ему ответить:

– Мои очерки о мостостроителях напечатали в «Крокодиле»!

«Боже, что я брякнул?!» Я представил себе сатирические «крокодильские» иллюстрации к моему очерку о мостостроителях – этакие в виде израильской хунты или разжиревшего, с крючковатым носом дядюшки Сэма.

«Крокодил» в то время особенно упражнялся в изображении уродов, коими он настойчиво пытался представить капиталистические страны советским *летариям*. Что ни страна, то некий монстр, рождённый от соития Змея Горыныча с Медузой горгоной. Сейчас пишу эти строки и вспоминаю одну незабываемую «крокодильскую» обложку – жирный дядюшка Сэм с туловищем-мешком, на котором нарисован $, за рулём «линкольна», а за ним на телеге русская ядрёная баба погоняет лошадь, и подпись-лозунг: «Обгоним Америку по мясу и молоку!»

Однако, как ни странно, мой ответ про «Крокодил» Куприяну Кондратьевичу понравился. Какие же всё-таки они непредсказуемые, эти староверы! Никогда ничего у них не угадаешь.

– «Крокодил»? Знаю! Несколько раз даже читал. Забавный журналец. Израиль с Америкой верно изображают! – Он открыл калитку. – Заходи!

Так благодаря моему отцу, Сысоеву и журналу «Крокодил» я на несколько дней попал совсем в другой мир, находясь в котором уже на следующий день понял, что для их мира наш мир – **антимир**!

*** * ***

Вернувшись в Москву, я написал очерк, как и обещал отцу, о людях, которых совершенно неправильно понимали в нашем атеистическом обществе. Но цензура его не пропустила. Через год отец пытался об этой деревне снять телевизионный фильм, но его тоже не выпустили на экран. Советская власть староверов считала преступниками, сектой. Служивая чиновничья партийная мелюзга их бы наверняка изничтожила, если бы неизвестно кто там, наверху, чуть ли не на уровне Кремля их тайно не оберегал. До сих пор никому не известно, кто это был. Поговаривали, у кого-то из членов политбюро предки были староверами.

Когда мой отец пытался уговорить начальство Первого канала показать фильм о многосемейных тружениках-староверах по телевидению, один из крайкомовских работников Хабаровска написал на отца донос: мол, Николай Задорнов – скрытый агент влияния Запада: он агитирует за людей, которые не хотят служить в армии и три раза прогоняли лекторов по атеизму! Что за люди? И почему они все бородатые? Это же нечистоплотно – а если вши заведутся? Советский человек не может быть вшивым.

Позже в Хабаровске у этого партийного никчёмыша с отцом произошёл весьма забавный спор.

– Я не понимаю, в чём ваша логика? – не без лукавства задал вопрос отец. – Вы обвиняете их, что они не бреют бороды, но вы же преподавали когда-то марксизм?

– При чём тут марксизм?

– Маркс тоже был с бородой. И Ленин!

– Это же было совсем другое время. И потом… потом, Маркс не был антисоветчиком… он был… марксистом! А у Ленина вообще маленькая бородка была, аккуратненькая!

Больше всего советского полувождя взбесило, когда отец ответил ему, что Маркс никогда не был марксистом, потому что он был Марксом! После этой фразы тот и написал на отца донос.

В семье отец не любил говорить на антисоветские темы, тем не менее даже я начинал понимать и чувствовать, что мы живём в некоем антимире, где плюс с минусом поменялись местами. С одной стороны, партия призывала к увеличению рождаемости в стране, с другой – боролась против самых многодетных и добропорядочных семей в России – староверческих общин.

* * *

У Куприяна Кондратьевича, если мне не изменяет память, было двенадцать детей, пятьдесят шесть внуков и сто двенадцать правнуков! Полдеревни – его семья!

У староверов нет церкви, куда несёт деньги паства. Нет посредников с Богом. У них молельный дом. Они необычайно чистоплотны: каждый ест только из своей посуды. Встают на заре, работают весь день не покладая рук, ложатся вскоре после захода солнца. Если молодые девушки идут за водой, спрашивают разрешение у матери, свекрови… В семьях и в доме культ женщины! Старшая женщина – глава в доме, её все должны слушаться. Она – как *министр внутренних дел*: мужик вошёл в дом и должен ей подчиняться. Вышел из дому – там и командуй! Мужик – типа *министра иностранных дел*. Вот так на земле сохранились ещё остатки самого доброго устройства общества – матриархата.

Обкомовец был прав: когда молодые староверы попадали в армию, они даже под угрозой КПЗ не брали в руки оружия. Не потому, что были антисоветчиками, а потому, что Господь дал заповедь «Не убий!». Я впервые увидел людей, которые жили по заповедям, а не по конституции.

По каким-то непонятным мне приметам староверы могли очень точно оценить человека при знакомстве: врун или нет? Чисты ли его помыслы? Всех незнакомцев поначалу принимали настороженно. Их можно понять. К ним часто приходили инструкторы крайкомов партии, различных профсоюзов, старались загнать в колхозы, угрожали, мстили, пытались убедить, что Бога нет. После таких «наездов» в своих отчётах ставили галочку о проведённой работе, об *оптиченном* мероприятии.

Каждый раз, когда староверов призывали жить по законам государства, им практически предлагали нарушить закон Божий.

После того как в газетах и по телевидению я не раз рассказывал о своих путешествиях по миру, журналисты стали мне часто задавать вопрос: где я видел самых счастливых людей? Самые счастливые люди из всех, которых я видел на Земле, – это наши российские староверы-*добродельцы*. В давнишние времена они ушли от самодержавного насилия, от церковных реформ в российскую глубинку, в горы, леса, дабы их не доставали бесконечными реформами. У них самые спокойные лица, которые я видел на Земле. А раз спокойные, значит, счастливые!

– Конституции написали люди. А закон Божий нам дал Всевышний, – сказал мне както за медовухой собственного «сочинения» Куприян Кондратьевич. – Поэтому конституций много, как и стран. А закон Божий на все страны один.

* * *

Куприян Кондратьевич очень грамотно говорил по-русски. В его речи не было ни совдеповских бюрократизмов, ни иностранных слов-мутантов. После Гражданской войны его предки ушли от советской власти с остатками белогвардейцев в Китай. Там все учились в городской школе, где преподавали оставшиеся в живых белогвардейские офицеры. Когда Советский Союз с Китаем подписали договор о том, что русских эмигрантов в Китае не должно оставаться, часть староверов и белогвардейцев из Китая уехали – кто в Австралию, кто в Калифорнию, а Куприян Кондратьевич и его сыновья отважились вернуться на родную землю. Всё тот же **кто-то** загадочный из верховных правителей дал им гарантию, что их не тронет даже КГБ. Действительно, возвращенцев не арестовали, на зону не отправили – начиналась хрущёвская оттепель. Правда, для житья предоставили не самое удобное место в тайге, оставшееся от зоны. Но природоведических староверов это не напугало. Снесли бараки, поставили срубы.

Мой отец опять оказался прав: в этих людях, выросших на природе, было заложено гораздо больше интересного и мудрого, чем кажется нам, городским, когда мы о них судим по одёжке. Да, русские крестьяне выглядят не очень, а разговоришься – каждый из них Конфуций.

С чего вдруг Куприян Кондратьевич проникся ко мне, чужаку? Наверное, его умилило то, что, несмотря на отказ комсомольцев и партийных работников помочь мне, я сам дошёл до их деревни через тайгу. Особенно насмешило, как меня напугал чей-то таёжный вскрик.

– Это козёл был! Самец. Пора пришла им кричать. Ничего-то вы, городские, не знаете… Даже язык у вас какой-то намешанный. И вроде грамотные… Одно слово – безбожники! Суетитесь, правды не слышите.

– А где же её сегодня услышишь? По «Новостям», что ли?

– В языке нашем. Вот ты журналист, слова грамотно складываешь, а что означает «спасибо», знаешь?

– Ну как, «спасибо» – это… когда говоришь за что-то «спасибо»… – Я сам удивился несуразности своей формулировки. Редко в жизни я выдавал что-то глупее, чем эта фраза. Похоже, медовуха начинала действовать.

Куприян Кондратьевич, как ребёнок, обрадовался моей словесной неуклюжести. В тот вечер он относился ко мне как к трогательному недоразумению, но которое ещё можно воспитать и оно превратится в «доразумение».

– Э, грамотей… Нашенское «**спасибо**» состоит из двух слов – «**спаси**» и «**бог**»! Ты сколько языков знаешь?

– Чуть-чуть английский, немного латышский… Ну и русский более или менее… Но если со словарём, понимаю всё! – Я должен был оправдать себя как юморист.

– Ладно… Тогда сравни… В других языках такого нет – искринки Божьей. У нас же что ни слово – то от Бога. «**Прощай**», к примеру, или, как в старину говорили, «**проще**вайте». При расставании что надо? **Проще**ния друг у друга попросить! А то ведь сам знаешь, поспорят, поругаются, кулаками махать начнут, а расставаться время придёт, надобно друг друга **прост**ить. Потому и говорят: «**Прощай**». А в ответ: «И ты **прощай**!» А когда встречаются, что друг другу сказать должно?

– Привет, здравствуйте, здорово…

– Видишь? «**Здор**ово», «**здр**авствуйте»… Что, по-твоему, означает? Э-э… не знаешь? Пожелание здоровья! Я английский немного знаю, ещё из Китая к братьям в Калифорнию ездил. Хоть полмира на нём говорит, а божественной дрожи в нём нет. Она в наших словах! Вот гляди… Кому сегодня все завидуют? Тому, у кого денег много! За деньгами на БАМ

едут, из-за них даже в тайгу сумятицу приволокли. А ведь слово «**бог**атый» от слова «**бог**», а не от слова «деньги». В ком **Бог**а много, тот и **бог**атый. А у кого много денег, тот не **бог**атый, а коллекционер.

Дед оказался ещё и с юмором, а прикидывался, что только «Крокодил» читал.

– Помнишь, у Тургенева? «О, великий и могучий…» А почему могучий? Потому что «**могучий**» тоже из двух слов – «**мог**у» и «**чу**до»!

Я действительно смотрел на этого деда-всеведа как на чудо.

Его глаза глядели на меня озорно. Чтобы не выглядеть законченным придурком, мне надо было срочно задать какой-нибудь умный вопрос:

– А что тогда означает слово «здоровье»? А то совсем расшаталось.

– А ну давай-ка ещё по стаканчику домашней медовушки за твоё здоровье, раз оно тебе так дорого! Слово-то сильное. От него дрожь верная идёт, как от дерева, потому что оно от слова «древо». Не слово, а истинно заповедь: будь с Древо!

Тянись к свету и береги свои корни! А насчёт «расшаталось» – это понятно… Вы в городе *корни* свои не бережёте, потому *листва* и вянет.

Как же я мог забыть о том разговоре с Куприяном Кондратьевичем потом на многие-многие годы?! Сам себе удивляюсь. То ли медовухи тогда перепил? То ли…

Впрочем, не буду забегать вперёд…

Самого Басаргина я помнил. В записной книжке до сих пор хранится запись, сделанная о нём для будущего очерка: «Дед-всевед». И рядом, в скобочках: «Его глаза – как два знаниехранилища!»

Вот только к чему этот образ относился, из памяти стёрлось на многие годы. Как это произошло, и почему, и какие были веские причины такого провала в памяти, я узнал, когда стал значительно старше.

И я там был, мёд пил!

В гостях у Куприяна Кондратьевича я чувствовал себя как в сказке. Пил медовуху за тридевять земель от столицы в какой-то другой стране, где не было телефонов, не было телевизора. Передо мной сидел *дед-всевед*. У его старшего сына Иосифа было не только библейское имя, но и библейская внешность. А жена Иосифа Ольга в соседней комнате крутила веретено прялки. Она была в русском народном сарафане. Не потому, что к ним приехал журналист, а потому, что каждый день так одевалась. Жена Куприяна Кондратьевича, несмотря на то что родила двенадцать детей, была ещё крепка, и все её слушались.

Они были гораздо чистоплотнее городских. Каждый ел только из своей посуды. Вставали рано. Весь день трудились на своих огородах, работали в доме, женщины пряли пряжу, ткали платки, полотенца, рушники… Повсюду в комнатах стояли старые иконы. Такое количество икон раньше я видел только в Москве у спекулянтов.

Когда я спросил у Куприяна Кондратьевича, почему они так рано ложатся спать и так рано встают, он ответил мне: «Хорошие дела ночью не делаются! Ночью спать надобно».

Объяснил, почему все староверы носят бороду. «**Борода**» означает «**Бога род**». Все апостолы тоже с бородами были! По словам Куприяна Кондратьевича, Пётр Первый узаконил в России бесовщину – начал брить людям бороды, и мужики стали женоподобными. Как на Западе.

А ещё я не видел, чтобы в этой деревне кто-то когда-нибудь обжирался. Всегда ели *скоромно*!

– «Объедаться» когда-то означало «**жировать**». По-вашему, по-городскому, «**жрать**». Означает – сразу в **жир**, не в разум. Да, журналист, трудно жить легко, когда родных слов не понимаешь, родной **речью** не **рекёшь**. Вот кто, по-твоему, жирует? Тот, кому всё мало, кому хочется себе, себе, себе. Поэтому он и чревоугодничает – в себя, в себя, в себя! А «**чревоугодие**» тоже слово непростое – «**червям угождать**».

Теперь я помню, как во время этого разговора я, будучи начинающим юмористом, перевёл «червям угождать» на более современный язык – «глистов кормить»! Жалко, что я забыл о том разговоре на столько лет, может быть, меньше чревоугодничал бы в жизни. Зато хорошо, что хоть и поздно, но вспомнил.

Те три дня были жизнью.

Жена среднего из сыновей Петра была настолько красива, что ни в сказке сказать, ни журналистским пером описать. А если по-современному, *клавиатурой ни нащёлкать*. Юмористу вообще не надобно было смотреть в её сторону. Шутить расхочется! Захочется писать стихи о светлом будущем по заказу газеты «Правда».

На прощание в порыве некоего откровения перед журналистом, который с таким вдохновением впитывал в себя «правду», старикан провёл меня в свою комнату:

– Смотри, какой ковёр мне внучка на БАМе купила!

На стенах в лучших традициях советского обывателя висел ковёр с картиной Шишкина «Утро в сосновом лесу».

– Красиво, да? Хотя зачем? У нас вон выйди за деревню… этих мишек на каждом дереве. Боюсь, не сбережём внучку. Недавно дублёнку себе купила. На БАМе работает. Испортит БАМ всех наших. Молодёжь туда тянет… По вечерам – танцы, днём – магазины… А это новое слово знаешь – «распределитель». Всем хочется **боль**ше. А «**боль**ше» от какого слова? **Боль**! **Боль**шевизм – тоже **боль. Боль**шевик – тот, кому мало, кому **боль**ше подавай. Так что **боль**шевизм не советское, это – общеземное! Это **безбожие**!

Ещё тогда, в избе старосты староверческой общины, я задумал написать повесть о том, как староверов-*добродельцев* не могли уничтожить ни царская власть, ни революция сем-

надцатого года, ни даже советский атеизм! Против них боролись, старались их подавить, переучить, заставить стать как все… Но они становились ещё стойче. Истинные стоики! Есть закон невидимого мира: тот, против кого борются, если не сдаётся, крепнет духом. Достаточно посмотреть на историю евреев, которых веками гнали изо всех стран, устраивали погромы еврейских районов, кварталов… Они в результате так окрепли, что завладели финансовой системой большей части мира. И диктуют теперь, как надо жить всем тем, кто их уничтожал и громил.

Сюжет повести придумался такой: через деревню, выдержавшую все напасти веков, прошёл БАМ с его карьеризмом, повышенными зарплатами, хрусталём, распределителями ковров, дублёнок – как награда за хорошую работу. Значки, медали, премии… Больше, больше, больше! И даже старообрядческая молодёжь подалась на БАМ. Молодые слабы душой. Их дух ещё не окреп настолько, чтобы устоять против дублёнок и Доски почёта. Героиня повести у меня должна была влюбиться в комсомольского вожака, этакого первопроходца-первопроходимца, и сбежать с ним из деревни. Назвать повесть я хотел «Девушка с тяпкой». Мне запомнился тот заинтересованный взгляд из окошка на городского пришельца – в нём явно было нежелание всю жизнь провести на огороде с тяпкой.

Идея этой повести мне нравится до сих пор. Она притчевая. Ведь советская власть поэтому и развалилась, что людям хотелось **боль**ше, **боль**ше, **боль**ше! Оказалось, бороться с самой сильной в мире державой надо было не накачанными мышцами: ракетами, самолётами, танками… а просто дать как можно больше хрусталя, дублёнок, ковров, телепошлостей и якобы свободы слова… Причём всё это в первую очередь сделать доступным для вождей.

Может, Иосиф Виссарионович был не так прост? И не потому, что периодически «пропалывал» российское население, вырывая сорняки – тех, кто требовал **больше, больше, больше**… Да, сам он называл себя **большевиком**, а в то же время боролся против **большевизма**: ходил практически в одном костюме и не имел счетов в офшорных банках. Ему **меньше** всех хотелось иметь **больше**!

Подобные мысли мне стали приходить в голову значительно позже, а тогда… Тогда я забыл о своей идее написать повесть, потому что впереди у меня чётко обозначилось «звёздное эстрадное будущее». Я ещё не выступал со сцены, но уже начинал писать монологи и миниатюры самым известным советским артистам! И память о тех днях, проведённых в сказочной «правде», скоро стёрлась. К тому же за мои миниатюры мне стали столько платить, что хотелось писать как можно **боль**ше. И **боль**ше получать! **Боль**ше, **боль**ше, **боль**ше! Я постепенно, сам того не осознавая, стал превращаться в ***боль**шевика.*

– Ну, прощай, журналист! Вряд ли ещё когда свидимся. – Куприян Кондратьевич провёл меня по большаку до самой тайги. – Если статейку твою напечатают, пришли…

Мы обнялись.

– И вы меня… прощайте!

Впервые в жизни я произнёс эти слова осознанно.

– Ты это… Если козёл вдруг разговорится, не беги! Поговори с ним, он и успокоится. Безобидные они твари. Добрейшие существа! Почему люди друг друга оскорбляют козлами? Они же этим козлов обижают!

Я вошёл в тайгу, мечтая, чтобы какой-нибудь козёл немедленно устроил мне проверку: испугаюсь я его крика на этот раз или за последние дни всё-таки поразумнел?

Дед-всевед оказался прав, больше мы с ним никогда не виделись. Жив он или нет? Знает ли, что его медовуха пошла на пользу и что **листва** моя ещё не совсем завяла, потому что хоть и поздновато, но всё-таки удалось оживить свои **корни**.

Голубоглазая ведьма

Полный журналистских впечатлений, я шёл по уже знакомой мне лесной дороге-тропе, мечтал о том, что напишу первоклассный очерк о наших беседах с Куприяном Кондратьевичем, о том, какие **добродельцы** встречаются ещё в таёжной глуши. Чуть позже за такой неожиданный очерк мне дадут какую-нибудь литературную премию, я стану знаменитым журналистом, куплю себе первый в жизни смокинг… В тайге чертовски здорово мечтать о смокинге!

В какой-то момент мне даже показалось, что я начинаю видеть своё будущее, словно лес был волшебным, заколдованным: почему-то на сцене мне аплодируют… потом становлюсь старше, много путешествую по миру, вижу разные страны! Что за видения? О каких путешествиях может идти речь, если моя зарплата журналиста сто сорок рублей в месяц, на неё даже манишку к смокингу не купить.

Птицы поют, кроны шумят, стволы скрипят, всё в округе дрожит какой-то непонятной колдовской дрожью, солнце с трудом пробивается сквозь высоченные кедры, ели, лиственницы…

* * *

Деревья длинными чёрными тенями словно затягивают меня в свою паутину. Не по себе как-то… Жутковато… Ни одного привычного звука. В глубине леса точно дубы-колдуны! За ними наверняка зайцы косят трын-траву. Я что, с ума схожу? Или попал в аномальную зону? Там, в недрах тайги… Боже! Между дубами-колдунами телевизор! И я в нём! Попытался внимательно разглядеть, что я делаю? Надо же, в смокинге! Но что это? Поздравляю советский народ с Новым годом? Вместо генерального секретаря партии? Полтергейст или до сих пор действует вчерашняя медовуха деда-всеведа?

Я присел на выворотень, вытер пот с лица, попытался успокоиться, подавить неожиданное волнение – ещё ведь идти и идти. А если и впрямь я на грани помешательства или меня затянуло в какую-то магнитную дырку и я отсюда никогда не выберусь? Я вынул из рюкзака компас, поглядел на него – вроде показывает, что иду верно, на восток. Видения пропали! Мне стало даже немного жалко, что больше не вижу себя по телевизору в смокинге и манишке, стоящим у микрофона меж дубов-колдунов.

«Эх, как было бы славно, если б кто-нибудь меня сейчас на машине подбросил до города!» – промелькнула в голове шальная мысль. Я понимал, что такая мечта ещё глупее и безнадёжнее, чем моё будущее в телевизоре. Сижу на выворотне в глухомани и жду, что сейчас вынырнет из зарослей попутка с зелёным огоньком и шашечками на дверцах, остановится около меня, водила спросит: «Вам куда? И мне туда же! Садитесь».

И вдруг… Не верю своим ушам! В глубине леса урчит мотор. Дорога извилистая, тайга с двух сторон дремучая, сама машина не видна – может, почудилось? Или впрямь колдовской лес? Звук явно приближался. Медленно, словно какое-то тяжёлое боевое орудие кряхтело на очень медленной скорости, пробираясь по тесной ему дороге. Я приподнялся, наивно полагая, что стоя раньше увижу, кто сейчас облегчит участь будущего знаменитого тележурналиста, лауреата Государственной премии.

Из-за таёжного поворота показалась морда десятитонного грузовика. Когда выполз весь, я понял, почему он так напряжно кряхтел – кузов был нагружен лесом: стволы уложены аккуратно друг к дружке, как снаряды для какого-то дальнобойного орудия.

Но что это?! Теперь я уже не верил своим глазам – точно явление аномальное – за рулём сидела… нет, этого не могло быть – молодая женщина! В деревнях таких называют

молодухами. Белокурая, словно из сна юноши периода первого созревания. Весь этот грузовой «механизм» медленно ко мне подползал, а видение не пропадало – оно ловко крутило баранку размером с колесо от телеги, как заправский мужик-водила. С радостью для себя отметил, что «видение»-то очень даже ничего!

Впрочем, в тайге любая женщина очень даже ничего. А если ещё и белокурая! Слово «блондинка» в то время не было отрицательным.

Монстр-грузовик, увидев меня, насмешливо фыркнул и остановился, «видение» высунулось из окна:

– Ну что, журналист, тебя подвезти? – Она так приветливо улыбалась, что я забыл и об аномальной зоне, и о своём будущем в телевизоре, и даже о смокинге с манишкой.

В моей голове ничего не срасталось – хорошенькая блондинка за рулём лесовоза в тайге? Я даже не сразу понял смысл сказанных ею слов. И только когда взобрался в высокую кабину, у меня аж мурашки по телу побежали: «Откуда она знает, что я журналист?»

Вопрос сам вырвался из меня:

– Откуда ты знаешь, что я журналист?

– Я ведьма! – Она рассмеялась, как обычно смеются русские женщины, когда рассказывают о какой-нибудь своей неприятности. К примеру: «Ой, мне премию не дали», «Мой муж совсем сдурел!» или «А мой-то алкоголиком стал»… Всё это наши бабы будут пересказывать друг другу, непременно хихикая.

– Какая ж ты ведьма, если голубоглазая?

– Я добрая ведьма, не боись. – Она снова засмеялась далеко не ведьмаческим смехом. – Из Москвы, что ли?

Может, и вправду ведьма? Или экстрасенс?

Потому и лес казался колдовским, что она уже приближалась, сидя верхом на своём монстре? Мне стало стыдно от такой мысли. Я ведь бывший комсомолец, атеист! С другой стороны, откуда она узнала, что я журналист из Москвы? Я даже малость оробел, когда она стала отвечать на мой вопрос, хотя я вслух его не задал:

– А кто, по-твоему, к нам забрести может? На работягу ты не похож, вон руки чистенькие. Фотоаппарат, блокнот в кармане, две ручки шариковые… бамовский работник? Глаза не комсомольские. Значит, журналист! Складно объяснила? Ну, теперь ты давай гадай.

– О чём?

– Ну про меня. Хочу проверить, ты способный или только кажешься?

Она разговаривала со мной так, словно была хозяйкой всей этой колдовской таёжной глуши, а я – бездарным учеником местного лесника.

– Кто ты? Ты… ты… – Мне очень не хотелось ошибиться, ударить в грязь лицом, и я сообразил: – Ты… водитель грузовика! Нет, водитель мужского рода… Ты водило! Впрочем, это ещё хуже – среднего рода. Ты это… шофёрка!

– Шутник, что ли? Не угадал, вторая попытка.

– Лесорубка: сама рубишь, сама отвозишь. Теперь складно?

– Не очень. Ты ж не акын – что вижу, то пою. Попытка третья, последняя. Угадаешь – разрешу себя поцеловать. – Она улыбнулась, откинув рукой белокурые волосы, словно актриса в кокетливом фильме о любви: мол, посмотри, какая я хорошенькая! – Давай, давай, постарайся, ты же смышлёный, раз сюда забрёл. К тому же романтик – один по тайге болтаешься. Целовался когда-нибудь в тайге?

Мне надо было немедленно сбить с неё эту спесь хозяйки тайги.

– Ты… ты… ты бывшая заключённая, живёшь на поселении, на химии… У вас банда, вы воруете, обманываете государство, ты у банды шестеришь, возишь лес и продаёшь в Японию, куда сейчас и едешь. И я с тобой поеду, потому что я в Японии никогда не был.

– Ты сейчас это сам всё придумал? – В её голосе явно сквозило восхищение мной. – Или из какой пьесы отрывок зачитал?

– Ты – ведьма, а я – ясновидящий. И как советский журналист обязан написать о тебе правду. Но если ты меня поцелуешь, то обещаю: никому ничего не расскажу, и тебя не посадят во второй раз.

– Ну, ты точно, юморист! Хотя… кое-что… в яблочко. Государство мы точно малёхо того… Про бригаду тоже где-то рядом… Почти ясновидящий! Вот только не шестёрка я, а бригадир лесорубов!

– Ты бригадир? Не смеши меня, мне двенадцать лет назад аппендицит вырезали, могут швы разойтись.

– А чё, не похоже? – Конечно же она почувствовала, что понравилась мне с первого взгляда, и не только потому, что наша встреча произошла в глухомани, где хорошеньких женщин не должно водиться.

– Знаешь, вот так бы встретил тебя в городе, только разок взглянул и сразу бы сказал: эта деваха – точно бригадир лесорубов! Ты себя в зеркало когда-нибудь видела?

– А чего, нравлюсь, да?

– Да, нравишься.

– И ты тоже очень даже ничего. Смышлёный, смазливый, я бы даже сказала, какой-то задорный.

У меня аж мурашки по телу побежали, она что, ещё и фамилию мою угадала?

– Ты чё побледнел, журналист? Хотя сдаётся мне, не очень ты на журналиста смахиваешь. По образованию-то кто?

– Инженер двигателей космических аппаратов! – Я должен, должен был её чем-то поразить. В то время те, кто работал на космос, вызывали в народе уважение больше, чем секретари ЦК КПСС и звёзды эстрады, вместе взятые.

– Ой-ой-ой, какие мы! А чё не по специальности? Чё сюда забрёл? Халтуришь?

– Журналистом интереснее. Путешествовать люблю.

Ведьма-шофёрка серьёзно и внимательно на меня посмотрела:

– Не будешь ты журналистом.

– В инженеры вернусь, думаешь?

– Тоже не то.

– Ведьму из себя корчишь?

– Я так чувствую… А то, что я чувствую, всегда сбывается. Думай что хочешь, а время пройдёт, сам увидишь.

– В этот раз ты ошибаешься.

* * *

Я рассказал ей, как мне нравится работать в журнале «Юность». А сюда приехал потому, что меня как молодого, но уже подающего надежды писателя попросили написать очерк о староверах. Если же я в своём будущем очерке опишу ещё и красивую таёжную девушку – бригадира лесорубов, то наверняка получу за него Ленинскую премию.

– Это ты чё, у меня сейчас интервью брать будешь?

– А ты чё, не хочешь о себе прочитать? Кстати, в одном из самых популярнейших журналов в стране.

– Ну почему же? Мне, между прочим, ударника соцтруда хотели дать, но потом отказали. Я одного из вожаков бамовских травками вылечила, он такой благодарный был, талон выдал… На покупку хрустальной вазы в ихней комсомольской лавке! Распределитель называется. Туда только своих пускают. А звание не подписал. Сказал, знахарям не положено: не

партийное у них мышление. То есть понял? Распределитель для своих, а звание можно и не своим. Но я не обижаюсь… Зачем мне звание, когда у меня есть хрустальная ваза?

Ну как, подойдёт для твоей «Юности»? Цензура пропустит? – Её глаза так озорно на меня глядели, что я никак не мог понять, она сейчас ко мне задирается или к советской власти.

Я попытался ей рассказать о самых модных и нашумевших, почти антисоветских публикациях в нашем журнале, о таких передовых писателях советской оттепели, как Аксёнов, Гладилин, Анчаров, о скандалах вокруг Евтушенко, Вознесенского, о придуманном персонаже Галке Галкиной, хозяйке юмористического отдела. О том, что до меня Галкиной был Славкин. А теперь Галкиной работал я. Это её насмешило больше всего. Чтобы окончательно возвыситься в глазах ведьмы – бригадира лесорубов, поведал о том, что знаком с Окуджавой, – он часто у нас в журнале выступал. Евтушенко приезжал, читал стихи. Рождественский – друг редакции. Соврал, что шапочно знаком с Высоцким.

Настоящий мужик, если не наврёт с три короба девушке, которая ему нравится, не будет чувствовать себя достаточно уверенно.

– И что, ты со всеми знаком?

В её голосе сквозануло настолько неподдельное ко мне уважение, что я почувствовал себя законченным Хлестаковым.

– Я Софи Лорен живую видел!

– И что, ваши девки материковые на эти басни ведутся?

– Девки всегда на басни ведутся.

– Это верно. Так вот слушай ещё одну басню… Меня бригадиром лесорубов мой дед определил.

– Почему дед? Кто он?

– Он колдун.

– А, ну да, как я сразу не догадался… И вокруг нас не лес, а зазеркалье.

– Вот ты не веришь, а его все в округе колдуном кличут. Хотя он просто лесник. Тайгу знает, как отличник первые восемь строчек «У лукоморья дуб зелёный…». Он деревья слышит, птиц… Нас с братом на заимке вырастил. У него здесь авторитет не меньший, чем у твоего Евтушенко на вашем материке. Его все малёхово побаиваются – а вдруг порчу наведёт? Он не противится – ну чтобы… боялись. А теперь главное… Ты давай, журналист, запоминай, запоминай… Так вот… Он меня в бригадиры пристроил не просто так… Об этом и напиши… Пока вы там стихи и шуточки сочиняете, у нас… тайгу вырубают! Совсем человеки сдурели. Знаешь, когда конец света наступит? Когда тайгу вырубят. Пойми ты, наша планета, она живая, у неё тоже есть органы. Сибирская тайга и канадская – это лёгкие Земли-матушки. Она ими дышит. Видишь вон то могучее древо, чуть в глубине, ветками к небу тянется, словно ладони развернуло к солнцу, – это кедр. Наш лесной богатырь – он лесу силу даёт. Если его вырубить, тайга завянет, кислорода на Земле будет нехватка, человеки вымрут. Конечно, с одним канадским лёгким планета наша чуток протянет, но недолго. Нельзя кедр вырубать. Вот о чём писать надо! Только вы там, которые всем заправляете, ничего не понимаете. Правители тоже безграмотные – леса под корень… В Японию, в Китай… И в первую очередь кедр – он самый дорогой. Японцы же не умеют отличить кедр от очень похожей на него сосны. Для того я и бригадирю: вместо кедра лесорубам подсовываю похожую на него сосну. Большинство рабочих из «химиков», бывшие зэки, тоже мало чего смыслят в породах… Продавцы на материке вообще не разбираются: по учебникам учены. Понимаешь, да, журналист? Мы с дедом и братом моим силу нашей тайги сохраняем. Лёгкие Земли бережём!

Я даже записывать за ней перестал. Ничего подобного в своей жизни я раньше не слыхал и в романах не читал. Совсем другая жизнь, параллельная той, к которой я привык. И эти параллельные, судя по всему, не пересекаются ни в настоящем, ни в прошлом, ни в будущем.

На какой-то момент мне даже стало стыдно, что она тут спасает лёгкие Земли, а я горжусь тем, что я – Галка Галкина. Неужели отец прав? Не тем я занимаюсь, чем надо.

– Я могу написать о том, что ты мне рассказала?

– Пиши… Всё равно не напечатают!

– Откуда знаешь?

– Ну, я ж тебе говорю, ведьма, по-вашему – экстрасенс.

– И что, премию мне тоже не дадут?

– А зачем тебе премия?

– Смокинг хочу купить.

– Ну, ты юморист! Хотя тебе подойдёт – ты чистюля.

Мы подползали к окраинам города, вернее, городского посёлка. А ещё правильнее сказать, к деревне, которую, следуя ленинской философии «срастания города и деревни», назвали городом. Осталось только большак переименовать в Бродвей. Мне стало очень-очень грустно оттого, что наше путешествие заканчивалось. Так бы и ехал с ней… до Японии!

– В этом городе-деревне ресторан есть?

– Скажи честно, ты сейчас насмехаешься?

– Ну хорошо, а кафе?

– Ну, ты, паря, даёшь! – Ведьма посмотрела на меня с удивлением обывательницы, а не предсказательницы. – У нас тут только несколько пивных, самая-самая из них на окраине. Называется знаешь как? «Пни»!

На этот раз пришла очередь мне засмеяться. Когда я был студентом, мы ходили в пивную напротив института, сокращённо называли её «Пни». Но это была шутка, а тут кафе называлось всерьёз.

И снова она ответила на не заданный мной вопрос:

– Удивляешься? Мог бы и сообразить – в этой пивной вместо стульев пни, понимаешь? На пнях все сидят и пьют пиво. Кстати, «Жигулёвское». Специально для бамовских завозят. Ну как? Не побрезгуешь с бригадиром лесорубов? Ты ж всё-таки Софи Лорен живую видел.

– А как тебе, понравится такое название моего очерка – «Пни»? Причём с восклицательным знаком, а? «Пни!» Вроде как пришла пора наших «рулевых» пнуть, чтобы наконец протрезвели.

Мы договорились встретиться, как пишут в сказках, «после захода солнца». Правда, в далеко не сказочных «Пнях». Вылезая из кабины, я вспомнил, что мы с ведьмой даже не познакомились. Надо же – забыл спросить, как её звать. Тем лучше, будет с чего начать разговор и завязать беседу в «Пнях», сидя на пнях.

Высадив меня из кабины, она высунулась из окошка и крикнула вдогонку:

– У тебя накомарник-то есть?

– Откуда он у меня? У нас в «Юности» их не выдают.

– Так и быть, два захвачу. Ты когда-нибудь целовался в накомарнике?

В ожидании самого необычного в моей жизни свидания я поспешил в снятую три дня назад по приезде из Комсомольска комнату в избе у того самого старикана, который назвал староверов добродельцами. По дороге заглянул в местный ларёк, где купил бутылку любимого в то время советскими людьми портвейна «Три семёрки» – чтобы хоть как-то отблагодарить своего хозяина-правдолюбца за добродельцев.

Пни!

Более двадцати лет я весьма смутно помнил тот вечер, проведённый с таёжной белокурой красавицей в «Пнях». Уверен был, что забыл подробности самого необычного в моей жизни свидания, потому что тогда перепил пива. Пиво было настолько кислое и невкусное, что я запомнил его на всю оставшуюся жизнь. А о чём разговаривали с *ведьмой-шофёркой-лесорубкой* и чем вечер закончился: романтично или «как обычно», из памяти стёрлось. Я даже забыл, вернула она мне должок в виде поцелуя. Словом, память на долгие годы выбросила из себя всё самое главное, а накомарники, комары в пиве, контур какой-то деревенской девахи, сидящей напротив меня на пне, бессмысленно сохранила.

Ещё я запомнил, что стулья-пни в пивной были выдолблены как удобные полукресла каким-то местным народным умельцем-дизайнером. Жестковато, конечно, но, как бы сказали сегодня, прикольно! Этот «дизайн» я тоже запомнил и не раз пытался потом воспроизвести в своём загородном доме.

Вот как всё поменялось за двадцать лет! Тот давнишний таёжный умелец эти удобства вырезал в пнях бесплатно, чтобы людям было не так *кисло* потягивать *кислое* пивко. А теперь даже необработанные пни в дизайнерских крутых салонах Москвы можно купить по двести евро за пень. Зато каждый из пней будет преподнесён продавцом-менеджером как супермодный бренд крутого дизайнера. Только истинный «пень» на подобную покупку способен.

Тут я должен уточнить вот что… Чуть более двадцати лет я помнил только эти ничего не значащие моменты, пунктирно вырванные из того мистического вечера. А потом, словно кто-то навёл курсор на строчку «Удалённые файлы», кликнул мышкой и выудил из корзины моей памяти всё-всё до мельчайших подробностей. Где, когда и почему ожило это воспоминание, я расскажу позже.

А пока вернёмся к тому вечеру, когда в избе старикана правдолюбца я готовился к не запланированному командировкой свиданию в самой прикольной пивной заамурской тайги с белокурой внучкой местного колдуна, которого боится вся округа, включая зэков и партработников.

Зеркальце в комнате было одно, размером с фотографию три на четыре. Глядя в него, можно было побрить только фрагменты лица. Я же пытался разглядеть всего себя. Цирковой номер! Хотя зачем мне это надо было делать, я до сих пор не понимаю, ведь у меня была только одна брезентовая стройотрядовская курточка и одни джинсы.

Ботинки я мог помыть в любой местной луже или ополоснуть водой из колодца. Но как привести в порядок всё остальное? К примеру, те же джинсы с пузырями на коленках? В общем, «окультурив» себя: застегнув стройотрядовку на все пуговицы для элегантности и натянув джинсы повыше для стройности, я отправился на свидание почти с купринской Олесей.

Когда-то мой друг Аркадий Арканов шутил про советских писателей-юмористов, которые начали читать со сцены в концертах свои произведения наравне с артистами, но, в отличие от артистов, почти ни у кого из них не было приличного костюма: «Им даже готовиться перед выходом на эстраду не надо – перхоть с пиджака стряхнул и пошёл!»

Солнце занырнуло в кроны таёжных великанов, и тайга начала пугающе чернеть. Комары-вампиры тут же оживились. Время свидания наступило.

Её звали Света.

Вроде как для завязки разговора она спросила меня: о чём я буду писать свой очерк? Я повторил уже почти заученный ответ, что прежде всего мой очерк будет **благожелательным** по отношению к староверам. Ведь я был потрясён тем, что увидел их в деревне. У Куприяна Кондратьевича сто пятьдесят шесть правнуков! Жёны и мужья не изменяют друг другу,

живут в согласии! Разве можно такое представить себе в Москве? Актёры, писатели, режиссёры учат других, как надо жить, а сами при этом нарушают почти все заповеди сразу: злословят, сквернословят, изменяют, врут, лицемерят, подличают, сводят друг с другом счёты, обижаются, мстят, завидуют… Им бы всем поучиться жить у наших русских крестьян! В староверческой деревне не может возникнуть спора на тему: можно женщинам делать аборты или нет? Это же убийство детей! А у большинства городских, наоборот, даже мысли не возникает, что это грех.

Всеволод Сысоев оказался ой как прав – в той командировке я увидел, как много на нашей родной земле осталось порядочных людей. Только их редко показывают по телевизору, и о них не пишут в газетах. Они не на поверхности, потому что… мы хорошо знаем, что обычно на поверхности!

Пройдёт много-много лет, и благодаря тому путешествию я сделаю вывод, что если наше крестьянство будет уничтожено, то неоткуда будет черпать порядочных людей. Бизнес, в отличие от земли-матушки, таких не воспитывает. Поэтому меня каждый раз передёргивает, когда по телевидению сегодняшние лидеры, они же вожди, они же рулевые, борются за развитие бизнеса, а не земледелия. Помогают банкирам, а не крестьянам.

Конечно, в тот вечер Светлане я выдавал свои мысли не такими жёсткими формулировками.

Более всего я завёлся, пересказывая ей наши беседы с Куприяном Кондратьевичем. Я ведь действительно был поражён тайнами, которые скрываются в русских словах. Слова «этимология» я тогда толком и не понимал. Тем более не догадывался, что «народная этимология» зачастую правдивее, нежели научная. Ведь признанные лингвисты и этимологи не очень прислушиваются к мнению народа. Они переписывают друг друга, перекраивают прочитанное у коллег на собственный лад, печатают вновь скомпилированные статьи в неизвестных малотиражных научных журналах, поэтому умничают так, что их не может понять простой человек, а значит, и сами не понимают, что пишут. Да, они считаются при**знан**ными, но народ их не **знает**. При**знан**ы они лишь самими собой.

Светлана попросила меня привести какой-нибудь пример из того, о чём поведал Куприян Кондратьевич. Помимо уже упомянутых в предыдущей главе я вспомнил ещё нескольких слов-заповедей, которые не успел записать за медовухой: «**ненавидеть**» – **не видеть**, «**зависть**» – **зависимость**, а «**грех**» и «**горе**» – из одного гнезда «**гр**», то есть будешь **гр**ешить – **гор**е неминуемо. И конечно же «**гордость**» – **дост**ать **гор**е! Какое предупреждение: «Будешь жить гордыней – достанешь горе!»

Светланка – так я стал её звать после третьей кружки пива! – слушала меня, постепенно хмурясь:

– А ты чё, журналист, этого не знал?

– А ты чё, знала?

– Тебе нельзя об этом писать!

– С чего вдруг?

– У тебя защиты нет, а это знания сильные… У тебя мозг не готов, увлечёшься, узнаешь столько, что сам не рад будешь.

– Это мой мозг не готов?! – Я не то что разозлился, я разъярился и стал похож на банального хвастливого пацана в подворотне. – Да я… да я… да я, между прочим, форсунку изобрёл для форсажной камеры сверхзвукача! С тангенциальным впрыском топлива и абляционным покрытием.

– Ты сейчас зачем так сквернословишь?

В отличие от моего отца, она не впечатлилась этой почти песней с припевом. Более того, посерьёзнела, посмотрела поверх моей головы очень внимательно, словно пыталась на ней разглядеть нимб.

– Понимаешь, тебя будет знать вся страна! Ну, может, не вся, где-нибудь на Чукотке останешься неизвестным… – Она продолжала смотреть на мой «нимб», как будто пыталась прочитать, что на нём написано. – Не нужны тебе сейчас никакие тайны. Спятишь! Подсознанка лопнет, как передутый первомайский шарик.

– Ты что, хочешь сказать, что я, сменивший три профессии, окончивший… ну, хорошо, почти окончивший два института, побывавший чуть ли не во всех закоулках нашей широкоформатной родины, не могу понять смысла родных слов?

– Понять-то сможешь… Вот только неизвестно, что с тобой будет, когда ты их поймёшь. Ведь всё с ног на голову перевернётся.

– Ты о чём?

Она разговаривала со мной так, словно на корабле была боцманом, а я юнгой.

– Кондратьич тебе верно сказал, в наших словах правда. Они не для карьеры, не для заработка, а для равновесия. Тебе надо, чтобы твой мозг зашкалило от того, в какой мы неправде нынче живём? Для таких тайн себя готовить надобно, а ты… повторяю… тебе… тебе надо становиться известным. Не знаю зачем? Но знаю, что надо! Твоя линия… Я её вижу, прямая, как стрела…

Её глаза стали холоднючие, как будто зрачки были вырезаны из студня. Быстро смеркалось, и почерневшие деревья, как к своему давнему знакомому, протянули ко мне длинные паутинные тени. Но страха я никакого не испытывал, лишь недоумение. Что это она там читала поверх моей головы? У меня что там, табло с моим досье? Да, я писал эстрадным актёрам тексты, но сам даже не помышлял о том, что буду выступать на сцене самостоятельно.

С чего я вдруг стану знаменитым? Тем более на всю страну, кроме Чукотки? Как журналист? Журналистов, известных на всю страну, не бывает. Самые известные люди – это артисты, причём более всего эстрадные певцы. Но когда я пою, даже козлы в тайге кричат. А может, она и вправду колдунья? И не случайно я ещё днём видел себя в телевизоре и в смокинге. Мозг и впрямь зашкаливало! Нет, такое надо непременно запить. Я заказал ещё по кружке пива.

Светочка – так я стал называть её после пятой кружки пива – хоть и называла себя ведьмой, но до пива была весьма охоча. Странно, но она не пьянела. Я пьянел, а она нет. Ведьма! И опять из её уст прозвучал ответ на не заданный вслух вопрос:

– «**Вед**ьма» когда-то означало «**вед**ающая мать». Давно это было. Потом вы, мужики, власть захватили, командовать начали, решили, что **вед**ающие вам не нужны, сами всё знаете. А у наших пращуров **вед**ьмы считались добрыми, а феи, прилетевшие *из-за моря*, от *заморышей*, наоборот, злые. Понимаешь, как кривда с правдой местами поменялись? А ещё было такое слово «**вед**унья», то есть та, которая ведает, но ещё не родила, а **вед**ьма – уже родившая, знает, как ребёнка воспитать, как его **вед**анью природы научить. Мало нас, **вед**уний, осталось. Но кое-что ещё знаем. И дед мой не один такой. И обучение мы, ведающие, ещё в детстве начинаем с родной речи. Слова ведь раскрываются, как цветы на солнце, что ни слово – подсолнух. Тем тайнам, которые в них, человека надо или с детства обучать, или когда он уже созреет. Короче, не надо тебе это сейчас. Ты азартный, увлечёшься так, что ничего в жизни не добьёшься, да ещё все вокруг с ума соскочившим считать станут.

Я не понимал, она гонит или всё это говорит всерьёз? Может, просто меня разыгрывает. Как говорят русские, без пол-литры тут не разберёшься. Но пол-литры не было, и я заказал ещё по одной кружке и стал звать её **Свет**очек, как бы объединяя «**Свет**у» и «**цвет**очек».

– И что же мне делать? Не писать очерк?

– Пиши, пиши. Только не травмируй тех, кто его читать будет, тем, что им знать рано… Да и беду на себя не навлекай… А то и впрямь в жёлтый дом упекут! Сам подумай?! Ну, напишешь, что «**бог**атый» от слова «**Бог**», и что дальше? Кого ты этим вразумишь? А что

«**здоро**вье» – «**будь с Древо**», «**тянись к РА**»? А что «**отрицат**ельно» – это «отход от Троицы»? Тебя ж все на смех поднимут! Глухие люди стали, понимаешь? Ты им хоть кувалдой, хоть топорищем в лоб вбивай, что «**бог**атый» от слова «**Бог**», – всё бесполезно! Нет, не случайно наш Всевышний эти знания закрыл. В русских словах сила посильнее ядерной – ядрёная! А если эта сила не к тем попадёт? Так что ты подумай крепко, прежде чем джинна из бутылки выпускать. О староверах, об Амгуни, о том, как козёл на тебя кричал в тайге, даже о том, как ты ведьму встретил на лесовозе, – об этом и пиши. Всё равно не напечатают! А о силе нашей тайной, которая в словах родных запрятана, лучше и сам пока забудь. Надо будет, созреешь – она тебе сама откроется, тогда и решишь, что с ней делать. А если семя раньше времени из грядки вытащить – оно не прорастёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.